

Ольга Постникова

*Колыбельная
для деревни*

Ольга Постникова

Колыбельная для деревни

«Издательские решения»

Постникова О.

Колыбельная для деревни / О. Постникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830073-8

В сборник вошли рассказы и миниатюры о жизни деревни и в деревне. Увы, но уже уходящая натура, наша современная деревня.

ISBN 978-5-44-830073-8

© Постникова О.
© Издательские решения

Содержание

Колыбельная для деревни	6
Прости и... вразуми	8
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Колыбельная для деревни

Ольга Постникова

© Ольга Постникова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Притулилась к лугам огородами,
Сиротливая древность села.
Изрубцована память невгодами,
Впереди – непроглядная мгла.
Как и встарь, ты зовёшься задворками,
Как всегда, не в чести на Руси —
Слепнут избы глухими потёмками,
Бездорожьем увязла в грязи.
Обнесла тебя жизнь величальными,
Поминальную в пору запеть.
Только солнце, лучами печальными,
Смотрит в окна, пытаясь согреть.

Разрастается споро погостами,
Где буйнит сирень по весне,
И под Млечностью вечной со звёздами
Соловей справит тризну... и мне.

Колыбельная для деревни

Засыпает деревня. Укрылась тёмным одеялом, расшитым поверху золотыми звёздами. Вздыхают в сараях о чём-то своём коровы, изредка заполошные петухи почёсываются на наших стах. Чуткие собаки по привычке спят в пол – уха. Могут спать, не беспокоясь. Кому ходить по деревне ночью? По ней и днём мало кому осталось ходить. Два раза в неделю оживляется сиротское движение на улицах, когда из города привозят в магазин хлеб. На два часа, пока не подвезут хлеб, тесный магазинчик превращается в клуб, где встречаются, обсуждают жизнь – бытё. Обсуждения – сезонные. Весной – картошку посадили? Летом – пропололи? Чем жука колорадского, как слово – то роднит с Америкой, травили? И самая животрепещущая летняя тема – сено. Скосили, скопнили, вывезли? К концу августа темы меняются. Выкопали? Сколько? Идёт обмен рецептами на заготовки впрок. Наконец, главные – исчерпаны. Сено – в стогах, за сараями. Картошка выкопана, банки с заготовками – в погребах. Морковь, свёкла, тугие кочаны капусты, редька – пока ещё на грядках. Дожидаются бабьего лета, чтобы набраться от него особой, осенней сласти.

В очередной хлебный день гул в магазине стихает, когда раздаётся долгожданная весть: «Вчера в гаю; ведро опёночков набрала. Моло-о-денькие». С этого дня все в деревне, способные передвигаться, «переселяются» в лесные чащи. У каждого свои заветные места – Стрижки;, Гай, Мишкино болото, Шубинская пристань, Чащобная, Крестовая поляна. Давным – давно нет тех, кто лёгкой рукой окрестил урочища, а названия живут и служат ориентиром, в какое место лесных чащоб идти за белыми, груздями, маслятами, рыжиками, лисичками, матрёшками, волнушками, подберёзовиками, подосиновиками, опёнками.

С утра быстро управляют со скотиной. Коров – в стадо, кур – выпустить, покормить. Телят, коз – на привязь, на лужок. Молоко пропустить через сепаратор. А остальные дела – на потом. Сейчас – в лес, по грибы. Лес щедрый. Хватает всем. И деревенским, и городским, что едут на машинах семьями.

Набродившись по лесу, накланявшись грибок, пропитанные насквозь воздухом, настоящим на смеси хвои с начинающими опадать листьями, возвращаются грибники с полными кузовами. Пока перебирали, чистили – мыли, консервировали, и вечер опустился. Время скотину обихаживать. Встречать, заводить, кормить, доить. На ужин у всей деревни в эту пору жареные грибы с картошкой. В городе сказали бы под сметанным соусом, а здесь попроще – залитые сметаной, взбитой с яйцами, а сверху – лучком, что зеленеет на грядках. Осень балует в этом году, всего в меру и дождичков, и солнышка. Палисадники радуют глаз разноцветьем георгинов, астр, цинний, флокс.

В эту пору деревне не до телевизоров. Поужинать, да до кровати добраться. Проходит мимо то, от чего корёжится мир за околицей. Дефолты, падающие котировки акций, нависший над миром кризис. Пересчёт мужей – бывших, настоящих и даже планируемых в будущем – дам, именующих себя нескромно «звёздами». «Звёзд» с их мужьями, что блох на деревенских кошках – не счастье. Зачем и трудиться?

Засыпай спокойно, деревня. Устрой поудобнее натруженные руки с бугорками вен, завявших узелками, и засыпай. Твоим инвестициям, что вкладывала всё лето, не разгибая спины, в землю, ничего не угрожает. Земля отплатила хорошим урожаем. До погребов кризис не доберётся. Ценных бумаг, за которые можно попереживать, что упадут в цене, здесь, отродясь, не было.

Хотя... вру. Были. Дали тебе в конце прошлого века по десять гектар земли, со всеми полагающимися бумагами, украшенными гербовыми печатями. Только адреса не указали, где она находится. Потыркалась ты по разным кабинетам со своими сертификатами и сложила их аккуратно под божничку. Места не пролежат.

Бумаги – не пролежат. От них ни прока, ни убытков, но стали приходиться налоговые извещения. С каких доходов платить? Тут купцы подвернулись. Скупили всю землю вместе с сертификатами. В разных местах, по-разному, где – по сто рублей за гектар, где и по четыреста отвалили. Они побашковитее тебя оказались. Сумели и адресами разжиться, и техникой, что к ней должна была прилагаться. А ты, деревня, засыпай. Яко благ, яко наг.

Золотой лодочкой месяц выплыл на середину небес. Единственный для твоих улиц светильник в тёмное время суток. Плывёт себе, покачиваясь среди звёздных бликов. Не оттуда ли доносится божественная мелодия убаюкивающей тебя тишины? Завтра тебе, деревня, снова вставать до света, чтобы не выпасть из привычных забот. Город, не понимая, называет тебя спившейся, деревня. Не спившаяся ты – распятая. Но и, умирая, не расстаться с тем, что извечно было смыслом твоей жизни. Хлеб свой добываешь в поте лица. Как знать, может, потому и мечется город в поисках смысла, что стал бояться пота?

Уснула, наконец. Ну, спи, спи спокойно. Ты помнишь всё, что было. Понимаешь всё, что есть и знаешь всё, что будет. А будут – выборы. К выборам, может быть, в магазин завезут селёдки. Неплохо бы к картошке хорошей – то селёдки.

Прости и... вразуми

Лёнчик лежал, удобно свернувшись калачиком. Места мало, но ему больше и не нужно. Тепло, уютно. По звукам, доносящимся снаружи, научился догадываться, что там происходит.

Он зевал, засыпая, вместе с мамой и жмурился, просыпаясь, с ней рано утром, и они хлопотали целый день. У Лёнчика были особенные хлопоты – он рос. Каждый день случалось что-то новое. На это новое требовалось много сил и времени.

Однажды ножки, согнутые в коленях, дёрнулись. Тихонько так дёрнулись, а мама – услышала и засмеялась. Смех у мамы особенный, от него по телу разливается радость, а сердце наполняется счастьем. Лёнчик повторил движение, чтобы проверить, не совпадение ли мамин смех и, может, она засмеялась по другой причине. Нет, не совпадение, мама засмеялась снова: «Лёнчик, да ты у меня совсем большой уже! Шевелиться начал!» Папка вечером придёт – мы его порадуем.

– Порадуем, – эхом отозвался Лёнчик, засыпая. Такой пустяк, а он устал.

Елене не везло в любви. Как говорила её мать, не везло с мужиками.

Бывает так, кому-то посылается любовь и счастье в ней. Елене, как в поговорке: кому – хрен, кому – фиалки, всегда доставалось только первое. Всё было при ней: и красавица, и умница – школу без троек закончила, в техникуме выучилась на зоотехника.

После окончания техникума вернулась домой пополневшей и вскоре родила девочку. Даже родной матери не сказала, кто был отцом ребёнка. Вездесущие поговаривали, что, будто парень из соседней деревни. Даже имя называли. Но на, то они и вездесущие, чтобы знать всё и про всех.

Девочку назвали в честь бабушки, Анной, а отчество в метриках записали по дедушке – Васильевна. Росла она под нежным приглядом бабушки с дедушкой. Пока в разум не вошла, называла дедушку – папой, а, как вошла, поняла: папы у неё нет совсем, что особо не огорчило, потому что был дед, самый лучший на свете. А ещё – мама и бабушка.

Елена не жила монашкой. Два раза пыталась, устроить свою женскую судьбу, но всякий раз – не с тем, кто был нужен ей. В первый раз – пьющий. Во второй – жадный до того, что дочке нельзя было без его разрешения ни одёжку справить, ни сладостей купить. Дочка, хоть и не нуждалась ни в чём – бабушка с дедушкой пенсии получали и хозяйство держали, но мать – то, она. И в дом шла не нахлебницей – со своей скотиной, и работала, не покладая рук. К тому времени от совхоза и помина не осталось, но работающий человек с голода в деревне пропасть не мог. Пусть и перекупщикам, за полцены, но скотину сдавали – копейка. От картошки – копейка, от молока, от яиц. Копеечки складывались в рубли, обеспечивая жизнь. Без шика, но и не голодную. И, своим же трудом заработанные деньги, ей надо выпрашивать, чтобы купить обнову дочке?

После двух, неудавшихся попыток, зажить семейной жизнью, она поставила на этом крест, как думала – навсегда. Дочка подрастает, без пяти лет – невеста. Выдаст её замуж, за хорошего парня, будет поджидать внуков. И мать её, в установлении креста на личной жизни, поддержала всей душой:

– И правильно, Лен. Путные, они все пристроены давно. А кто свободный, тот пьянь и шелупонь. На кой ляд они тебе такие-то? Живёшь с нами, не клята, не мята. Чего тебе не хватает? Анютка-то, в другой раз не пойдёт за тобой, чужие углы отирать. Она уже взросленькая, о ней подумай. Какой пример семейной жизни показываешь? Мы с дедом жизнь прожили, плохо-хорошо, а, как это по-нынешнему называется, партнёров новых не искали. Как смолоду сошлись, так и живём. Без гордости, потому что. Чем гордиться-то друг перед другом? Конь о четырёх ногах, и то, случается, спотыкается, а люди – сплошь и рядом хромые. Так, один захромал, другой поддержит, смотришь и выправилось всё. Может, потому не складывается, что гордость вперёд тебя родилась. Ты вот даже матери родной не сказала, кто отец Анюты, почему у вас не заладилось. Может, и твоя в том вина есть, что она растёт без родного отца?

Мать тяжело вздохнула:

– Ладно, уж, к чему ворошу. Прости дочка, я – не в укор. Вы с Анютой – наша с дедом радость. Только не вечные мы, сама видишь, с отцом – неладно. За сердце хватается, а в больницу не отправишь. Всё лечение у него – таблетку под язык. Я-то могу с тобой поговорить о наших женских делах, а ему – неудобно, всё в себе переживает.

Ещё два года Елена прожила в родительском доме. Без особых радостей, но и без больших печалей, в каждодневных трудах и заботах. Как-то в мае поехала на велосипеде на дневную дойку. Корова у них отелилась в тот год поздно, в апреле. Если днём не подоить, вечером – не раздоишь, вымя разопрёт, как барабан. Да и растеряет молоко по дороге. Дневная дойка в мае не обременительная – жары особой ещё нет, слепни не одолевают, поэтому коровы стоят спокойно. Птицы щебечут, зелень молодая глаза радует. И не только глаза, сердце тоже наполняется майской радостью и надеждой на что-то хорошее.

Коров уже пригнали на поляну. Одни, которые, не ждали своих хозяек, лежали полукругом. Другие, стояли, переминаясь с ноги на ногу и поглядывали, вытянув морды, на дорогу. Всем видом выражая нетерпение и досаду: «Скорее бы подоиться, лечь да отдохнуть».

Пастух сидел на взгорочке и обедал, не выпуская стадо из вида. Елена, хоть и виделась с ним утром, когда сгоняла корову, поздоровалась ещё раз. Лёнька Волков пас за сестру, Светку Голосистую. Её наградили таким прозвищем за звонкий голос. Перепеть её в частушках не удавалось никому в деревне. Ни перепеть, ни переплясать. Но это на гуляньях. А так, по жизни, она была женщиной злой, расчётливой, выгоды своей никогда не упускала, могла и от чужой отхватить кусочек, другой.

Елена слышала в магазине, что, брат Светки, Лёнька вернулся из тюрьмы. Живёт пока у сестры, но собирается обихаживать дом, который остался ему от матери.

Лёнька подошёл, когда Елена прилаживала бидончик с молоком на багажник велосипеда:

– Лен, а я тебя сразу не узнал. Какая ты красивая стала, ладная. В армию-то уходил, ты ещё в школу бегала. Худющая была, посмотреть не на что. Только глазищи и косы помню.

Что, кроме армии, он ещё и десять лет в тюрьме отсидел, а за это время многих можно забыть, не стал говорить. И, правда, зачем ворошить. Отсидел своё, а может, не своё. Светка десять лет на каждом углу кричала, что понапрасну Лёнька сидит, чужую вину взял на себя.

Перед Еленой стоял высокий, плечистый мужик. В смоляных волосах искрами проблескивала седина, а глаза... Елена то ли взлетела в майское небо, то ли утонула в синей бездне. А, когда он случайно коснулся её руки, она совсем пропала. Нежность большой мозолистой руки

разрядом ударила в сердце, и оно, удивившись, совсем сбилось с привычного ритма. Замирало, трепетало, ухалось вниз, возвращалось на место и выбивало морзьянкой: «Прижмись к нему так, чтобы я услышало стук его сердца, дай услышать, если не сделаешь этого – умру. Умру от одиночества».

Уже к вечеру вся деревня обсуждала новость, привезённую бабами с дневной дойки: «Мы-то подоили, разъехались все, а Лёнька-тюремщик с Ленкой так и остались стоять. Как прилипли друг к дружке. Чё, уж, там промежду ними дальше было, не знаем». Те, кто не ездил на дойку, были смелее в предположениях: «Известно, чё... тот – с тюрьмы только вышел, изголодался, а эта – известная шалава. И дитё у неё нагульное, и сколько уж мужиков перебрала. Пробу ставить некуда».

Светка устроила Лёньке громкий, на всю деревню, скандал: «Или я, или эта потаскуха». У неё к Елене был свой счёт. Как-то, когда она ещё работала на ферме дояркой, а Елена – зоотехником, та поймала её с двумя большими сумками комбикорма. Баловали этим многие, попадались не все. Но, попавшихся на воровстве, наказывали по всей строгости, чтобы другим неповадно было. Незадолго перед Светкиным конфузом, на два года посадили скотника – с мешком ворованного комбикорма налетел на управляющего и загремел... на два года. Тюрьмы Светка боялась больше, чем сумы. Хватит на их семью одного сидельца.

Тогда у Елены не хватило духа доложить о несостоявшейся краже управляющему – Светка почти в ногах у неё валялась, плакала, горилась, клялась, что, больше ни в жизнь чужого не возьмёт.

Елена умолчала, а Светка за унижение на всю жизнь затаила злобу. И, теперь, выходит, эта проститутка, да к ней – в снохи. Светка так и сказала брату: «Только через мой труп».

Лёнька ссориться с сестрой не стал. Она, единственный родной человек, кто у него остался. Десять лет поддерживала, как могла. Письма писала, посылки присылала, на свидания приезжала.

Он просто взял пожитки и ушёл жить в свой дом – за лето подремонтирует, там дел не так уж много. А с кем ему жить, он даже с сестрой советоваться не будет.

В доме Елены громкого скандала не было. Дом затопили слёзы матери:
– Лена, одумайся, что же ты нас позоришь. Во всей деревне только Вовка глухонемой не перемалывает твои косточки. И то, ухмыльнулся, когда овец встречали. И до него уже дошло, объяснили ему на пальцах добрые люди. Да, Бог с ними, с косточками. Он же тюремщик, Ленка. Туда хороших людей не сажают. Светка-то скрывает, а люди говорят, что за убийство его посадили. Ты в глаза ему посмотри – чистый зверь.

Мать напомнила о глазах, и Елена снова утонула в них... памятью. Как под гипнозом, вышла из дома и узенькой тропкой, что сзади огорода, направилась к Хопру. Она хотела посидеть одна на берегу. Подумать о своей жизни, дочке, родителях. И, обманывая себя, пыталась, не допустить даже в мысли это имя, но как можно не допустить то, чем уже заполнено всё существо.

Когда увидела силуэт сидящего у воды человека и яркий в сумраке вечера огонёк сигареты, ноги стали ватными. Это мог быть кто угодно, но она знала, что это – Лёня. Ни вперёд, ни

назад не могла, сделать ни шага. А он, почувствовав присутствие за спиной, обернулся, и тоже безошибочно узнал в женском силуэте её, Елену. На таких же ватных, как и у неё, ногах подошёл, прижал к груди и снова, как днём, два сердца слились в одном ритме, наполняя двоих таким счастьем, что, если бы не прохлада от реки, они могли бы опалиться в его жа; ре. Всю ночь, забыв обо всём и всех на свете, они тонули, возносились, пари; ли. Во всём мире были только он, она и соловьи, с ума сошедшие то ли от своей любви, то ли от любви этих двоих. И ещё – река. Стараясь не обжечь резкой прохладой воды, она бережно принимала их потные тела.

Говорили они о чём-то, кроме любви, о которой, прожив почти полжизни, даже не подозревали? И, наверное, если бы не встретились вчера, случайно, так и не узнали. Может, говорили, а, может, понимали без слов, как будут жить дальше.

Когда чёрный бархат неба стал приобретать синеватый оттенок, а звёзды – на глазах гаснуть одна, за другой, когда наступила предутренняя тишина, потому что умолкли утомлённые соловьи, Лена опомнилась – родители наверняка не спали всю ночь, ждали её. Что же она вытворяет? Надо бежать домой, скоро коров сгонять будут, подоить бы, успеть. Надо, надо... ей, а губам ничего этого не нужно. Они жили своей счастливой жизнью и не хотели отрываться от других счастливых губ. Едва оторвавшись, преникали снова.

Прошмыгнуть в дом незаметно у Елены не получилось – отец чистил во дворе стойло у коровы. Молча, с укоризной посмотрел на неё. Мать, с припухшими от слёз глазами, грела на плите воду для утренней дойки. Разомкнула было скорбно сжатые губы, но, посмотрев на дочь, осеклась. Лена светилась так, словно солнце всходило не за окном, а в ней самой. Такой счастливой, мать её не видела. Ну, если только в детстве.

Ни сватовства, ни свадьбы не было. Просто Лёня днём пришёл к ним с букетом полевых цветов для матери, коробкой конфет для Анюты и бутылкой вина для отца. Мать растерялась, никто, никогда не дарил ей цветов. В растерянности, собрала на стол и, молча, просидела всю трапезу, мало понимая, о чём говорил Лёнька, что отвечал ему отец. Только, среди разговора, невпопад сказала, как отрезала:

– Анюту мы вам не отдадим. С нами будет жить.

Лёня посмотрел на будущую тёщу с недоумением, а Лена покраснела:

– Мама, что ты так волнуешься? Анюта уже большая девочка, сама решит, где ей жить. Пока пусть с вами поживёт, там, в доме, нужно ещё обустроить всё, сколько лет нежилым простоял. Потом видно будет. Мы же не за тридевять земель уезжаем, всего-то – через улицу.

Отец, покрасневшийся от вина, согласно закивал:

– Ну, да, ну, да. Что ты, мать, так разволновалась – не за тридевять земель дочка уезжает. А внучка, что ж, она с нами жить будет пока – делов в дому много. Ты, Ленька, не сомневайся, я помогу, только скажи. Руки-то ещё не забыли плотничье дело, да и печку вдвоём осилим сложить. Только, вот, что я тебе скажу, класть надо не простую, а под газ. Разговоры идут, что будут нам газ проводить.

И они вышли во двор перекурить в разговорах мужские заботы, оставив женщин в доме. Очень сложно у них мысли устроены, мужчинам бывает в тягость, разбираться. Вот, как сейчас – плачут, когда надо радоваться.

Лена, обняв маму и дочку, плакала от счастья. Не чувствуя своих слёз, вытирала мамины – горячие, ручьём катившиеся по её щекам. И Анюта сказала своё слово:

– Мама, я останусь с бабой и дедом. Ты не обижайся. Я буду приходить к вам каждый день. Мне дядя Лёня понравился. Он так на тебя смотрит! И ты – на него! Я заметила, мам. Мы впятером за столом сидели, да? А, как будто, мы – втроём, а вы, отдельно – вдвоём. Мамочка, как я хочу, чтобы ты была счастливой!

– Так и я того же хочу, девчонки, – растопив свою тревогу слезами, заговорила, наконец, мать.

Были недолгие сборы. Хоть мать и выкладывала из шкафа всё, как ей казалось, необходимое, Лена укладывала назад, в шкаф:

– Мама, там ещё всё отмыть сначала надо. Не обижайся, потом я возьму всё, что нужно. Вот плитку возьмём сразу, хоть чай вскипятить можно на ней.

Собрав самое необходимое в две большие сумки, молодые отправились домой. Из окон всех домов смотрела на них деревня. Недоумевая, как быстро сладилось у Лёньки с Ленкой. За два дня, разве так бывает? Светка, кипя злобой, ставила точку:

– Околдовала шалава братца моего.

Невдомёк ей было, что колдовство исходило не от Елены. Это рассудку нужно прикидывать, размышлять, рассуждать. А сердце живёт по другим законам, ему нужно только слышать биение родного сердца, с которым оно может и хочет биться в унисон. Только с ним, ни с каким другим. Счастье – человеку, сумевшему понять своё сердце. Не поймёт, взбунтуется против ретивого, и – одиночество на всю жизнь. Даже, если и не один человек, а сердцу – одиноко.

Елена с Леонидом не жили, а горели, не сгорая. Только расцветали от жа; ра. Особенно Елена. Теперь мать, встречая зятя, не поджимала скорбно губы, а расплывалась в улыбке. В магазине, как сводку передавали:

– Волковым-то, мебель новую привезли из города. Таскали-таскали в дом. Неудобно было долго стоять, паяться, а всё ж разглядела цвет обивки – светлая больно, маркая. Дорогушая, небось.

Елену уже в Волкову записали, хотя она была ещё под своей девичьей фамилией. Но в деревне их признали за семью. Все, кроме Светки:

– С какого перепугу она – Волкова. Никто её такой фамилией не награждал. Как была потаскухина, так и осталась. Не век же Лёньке с ней тешиться, надоеет, гляди – выгонит.

Такое змеиное шипение стало надоедать даже Светкиным закадычным подругам:

– Свет, ну что ты на неё взъелась? Живут – на зависть и радость другим. От чего тебя-то корёжит? Он же брат твой, порадовалась бы за него. Не спился, как пришёл из тюрьмы, не истаскался – нынче одна, завтра другая. Вон, как они дом родительский обиходили. Ты бы хоть в гости к ним по-доброму сходила, посмотрела. Ой, Свет, там кухня одна чего только стоит. Всю отделал деревом. Не просто тёсом обшил, а досточки все резные, с рисунком и мебель кухонную сам всю сделал. В магазине такую не купишь – от каждого шкафчика любовью пышет. Ленка ходит по кухне, как королева, вряд ли, по дворцу ходит. Счастливая! Конечно, чем не королева, Лёнька и воду провёл, и канализацию. Собираются кабинку душевую покупать. И газ, говорят, будут проводить.

– Вот то-то и оно, что ходит она по моему, родительскому дому! Нашли королеву! У Лёньки, небось, уже сквозь шапку рога прорастают, – у Светки пена на губах выступала. Подруги пугались её бешенства, старались, отделаться побыстрее.

В конце зимы Елена почувствовала себя необычно разнеженной. Обычно вставала ни свет, ни заря, а тут, вдруг, захотелось, нежиться в постели, да и днём, чего раньше не было, прикладывалась подремать. И дремалось-то, как сладко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.